

Н.Н. Зобнин

Восставшие из пепла

16+

Николай Зобнин
Восставшие из пепла

«ЛитРес: Самиздат»

1999

Зобнин Н. Н.

Восставшие из пепла / Н. Н. Зобнин — «ЛитРес: Самиздат»,
1999

Как мы представляем себе идеальный мир? Что есть добро и зло? Как сделать этот мир лучше? Что есть человек? Просто пылинка или может что-то изменить в этом мире и сам мир? Вихрь событий выхватывает маленького мальчика из его маленького мира и несет с головокружительной скоростью. Все дальше. За считанные часы он проходит великий путь. В конце пути он встретится с Богом. И окажется выше его. Ученик превзойдет учителя и завершит великую миссию, и вступит в вечность. И каждый, кто прочтет эту историю, поймет, что это история о нем самом.

© Зобнин Н. Н., 1999

© ЛитРес: Самиздат, 1999

Жарко. Высоко в небе беспечно поёт жаворонок, а здесь, внизу, – нечеловеческая жара восьмой час выжимает пот под солдатскими касками и бронежилетами. Никак это не походило на обычные учения, впереди были отчетливо видны несметные полчища китайской армии. Жирное марево раскалённого воздуха недвижно лежит, стараясь раздавить людей в их выгрызенных в камнях окопах. Все уверены – их прислали умереть здесь. По ночной тревоге "вертушки" забросили сюда роту зеленых юнцов, месяц как закончивших учебку, против полумиллиона взбесившихся хунвейбинов.

Шальников стоял на вершине невысокого холма, широко расставив ноги и вперив взгляд в раскинувшуюся перед ним степь. Нервное возбуждение пробивало его от макушки до пяток, адреналин так и кипел в жилах. Никто и ничто не могло заставить его так сильно рисковать и присутствовать здесь в нескольких шагах от вражеской армады под защитой только лишь боевых установок сомнительного свойства. Но таков уж он был. Его довольно мало интересовало новое оружие, разработанное в лабораториях его центра, это был пройденный этап. Ощущение смертельной опасности, прогулки по краю пропасти и игра на лезвии ножа вот что действительно будоражило его. Сделать то, о чем простые смертные не посмеют даже и подумать никогда в своей жизни.

Неизвестно откуда появился разморённый жарой облезлый пёс. Высунув длинный розовый язык, он с вожделием смотрел на флягу, висевшую на ремне Шальникова, в которой, пёс знал наверняка, плещется живительная влага. Поразмыслив немного, Шальников порывлся в нагрудном кармане френча и извлёк оттуда новую игрушку. Патрон с пулей со смещённым центром был в шестидесятые годы в диковинку. До сих пор не выдавалось случая посмотреть его эффект. И не успел новомученик что-либо сообразить, как его мозги полетели в одну, а кишки в другую сторону.

По склону холма, обливаясь потом, бежал грузный прапорщик, пытаясь ещё издалека сообщить, что профессора Шальникова срочно вызывают по спец связи. Разговаривать с кем бы то ни было совершенно не хотелось, но спец связь обязывала. Указав на растерзанные куски мяса и шерсти, Шальников коротко распорядился: "На шашлык".

На связь вышел академик Абрикосов.

– Кирилл Алексеевич, на "Арарате-22" – авария. Голубчик, только Вы в состоянии помочь. Скорее, у нас уже есть пострадавшие. Необходимо срочное снятие режима особой секретности для ускорения всеобщей эвакуации. Распорядитесь где надо.

Шальников недовольно поморщился. Ему никогда не нравился этот сухонький бойкий старичок, франт и моралист. Тот самый гнилой интеллигент, который со своими глупыми принципами мог подставить ножку любой наполеоновской идее.

– Так, Иван Николаевич, глубоко вздохните и спокойно объясните, что там произошло, и, главное, в любом случае запишите безопасное положение.

Голова Абрикосова была чрезвычайно ценна, и Шальников это понимал. Люди, оборудование – всё восстановимо, но не эта гениальная голова.

Абрикосов не унимался и продолжал упрекать в бездействии и простое. Время уходило. Наконец Шальников не выдержал и громким матом послал коллегу в безопасное место. В ответ академик с чувством плюнул на монитор с изображением ненавистного ученика, и, надев противогаз, выбежал вон из щитовой. Прирождённая пунктуальность и исполнительность все же заставили его предварительно подключить центральный процессор через спутник к отдалённой периферии. Через несколько секунд из печатающего устройства в штабной машине за тысячи километров от "Арарата-22" вышел отчёт о работе интеллектуальной системы слежения.

С досадой Шальников отшвырнул большой рулон бумаги.

– Ну почему, почему опять неудача? Система должна была не только найти, но и устранить ошибки, допущенные при подготовке опыта.

– Сварщиков всех в кандалы! – мелькнула мстительная мысль.

Но в следующую секунду Шальников весь в холодном поту снова схватил измятую бумагу. Внезапная догадка озарила молнией мозг. Последние анализы воздуха показывали почти 50% окислов азота в зонах, прилегающих к установке. Шальников не был дураком и сразу понял, что вырвавшееся чудовищное поле в сотни миллионов эрстед активизировало реакцию азота и воздуха, в результате которой образовались ядовитые газы. Это было невероятно, но на экране было видно, как щитовая затягивается клубами бурого дыма. В мощном, всё увеличивающемся поле росли токи в приборах. Тончайшие приборы систем управления не выдерживали, сгорали контакты, выстреливая снопами искр. Передача сигнала становилась всё более неустойчивой. Разрывая барабанные перепонки, взрывались осциллографы. На полу и столах в помещении лежало несколько человек – операторов установки. Некоторые из них ещё тяжело дышали, вдыхая газы, вызывающие отёки лёгких, и приближали тем самым свою гибель. Было видно, что некоторые пытаются покинуть здание, но поле, воспринимаемое простыми смертными как нечто эфемерное, уже обрело плоть. Плотность среды была примерно в 5000 раз больше плотности воздуха. Это было равносильно замене воздуха железом. Трупы в щитовой стремительно обугливались под воздействием поля. В следующую секунду сам экран ярко вспыхнул. Шальников инстинктивно бросился на пол, но тревога была ложной, – это взорвалась камера на том конце спец связи. Нельзя было терять ни секунды. Боевые установки были смонтированы тем же предприятием, что и установка, накапливающая электрическую энергию, и можно было предположить, что там устроен такой же подвох. Дрожащими руками Шальников начал выкручивать винты, крепящие кожух установки. Отвёртка сорвалась и со всей силой ударила по пальцам, но боли не было, её заглушал страх перед бесславным концом.

В этот момент явился дозор, объявив о том, что передовой эшелон китайцев примерно в десяти километрах от позиции, и минут через пять рота окажется на линии прямого огня противника. Шальников прервал работу, как будто поражённый громом. На какое-то время он потерял всякую способность реально оценивать ситуацию. Офицеры, подошедшие выслушать донесение дозора, уже с сожалением смотрели, как здоровенный мужик бьётся в истерике головой о свою глупую установку.

Немного успокоившись, Шальников вновь бросился к схеме и установке. Медленно шевеля толстыми губами, он бормотал как молитву принципиальную схему. На двух тороидах, помещённых в жидкий гелий, выполнена обмотка. Оба тороида заключены в теплоизоляционную оболочку. Бессонными ночами, полу эмпирически, со страшной угрозой для жизни устанавливалось такое взаимоположение торов, чтобы гигантские магнитные поля, генерируемые ими, взаимогасились, вновь превращаясь в электрические токи силой в миллион ампер. Эту конфигурацию знал лишь один Шальников, не доверяя никому главной тайны своего оружия. Беглым взглядом профессор осмотрел автоматы – переключатели и скользящие щитки, которые перебрасывали ток с накопительных тороидов на тороид, магнитное поле которого системой специальных линз, преломляющих линии распространения магнитного поля выбрасывали концентрированную смерть далеко за пределы установки.

Наконец, в мешанине проводов Шальников каким-то шестым чувством почуял неладное. Сверка по схеме сразу выявила, что два контакта надо поменять местами, и сейчас, если в накопитель подать ток, то два поля не загасят друг друга, а наоборот, наложатся одно на другое. Последствия этого Шальников уже видел. Нырнув в глубь установки, он, с проворством фокусника, за один ухват поменял провода местами.

– Кирилл Алексеевич, – гнусаво обратился старший техник. – Нужно же припаять контакты. Да и, вообще, зачем вы их меняли местами?

– Ну-ка, ты, умник! – злобно рыкнул Шальников, – если не хочешь, чтобы китайцы тебя поджарили, обеспечь переброс контактов на втором накопительном тороиде.

Техник Жорж был от природы человеком сообразительным и знал, что Шальников может под горячую руку пристрелить кого угодно, а ещё хуже покалечить путём рукоприкладства. Конечно, он будет сожалеть о содеянном, но будет слишком поздно.

Поэтому Жорж сделал на своей чёрной лоснящейся физиономии выражение абсолютной покорности, отдал честь и развернулся через правое плечо, за что в следующую секунду получил ускорение пинком под зад. Летя в направлении бытовки, техник уже не слышал сообщения Шальникова о том, что Жорж – грязная черномазая макака.

Шальников, отругав для приличия Жоржа, начал осматривать горизонт. Первые эшелоны китайцев уже выстраивались по фронту. Несколько человек копошились около близлежащих установок. Через четверть часа последние переделки были завершены. Последний взгляд на ровный ряд аппаратов, сияющих под палящим солнцем, на скромно примостившиеся на флангах лазерные установки из лаборатории Фабриканта.

– Ну, посмотрим, на что способны эти игрушки. Дадим им проявить свои способности.

С этой мыслью Шальников подключил квантовые генераторы к своим источникам питания. Неизвестно откуда взявшийся Жорж включил частотный эквалайзер, за что получил подзатыльник.

– За что? – взвопил негр.

– Не лезь под руку.

– Но это стоит в программе исследования!

– Я этого не приказывал.

Шальников выключил и тут же включил прибор снова. После минутной накачки энергии сформировалось несколько видимых лучей.

– Кирилл Алексеевич, на световое излучение приходится 75% энергии.

– Переделки, – с презрением высказался Шальников.

Наконец, ещё через пять минут диаграмма на эквалайзере несколько изменилась, частота нормализовалась, установилась монохромность, но когерентность болталась. По ходу лучей стали падать обожжённые жаворонки. Несколько солдат на китайской стороне упали замертво, вспыхнул БМП. На командный пункт вошёл капитан Москвин.

– Товарищ профессор, если это всё, на что способны ваши... – капитан осёкся.

– Договаривайте, капитан – недобро ухмыльнулся Шальников.

– Разрешите дать приказ об отступлении.

– Что я слышу, капитан. Вы, кадровый офицер, оставите пост?

Лицо Шальникова стало багровым.

– Да знаешь, что делали с такими как ты в сорок первом?

В приступе праведного гнева профессор снова выхватил вальтер.

Повисла тяжёлая пауза. За распахнутой дверью командного пункта в майской степи не было слышно ни шороха. Перестали петь кузнечики в траве и пересвистываться суслики. Всё затихло в тяжёлом напряжении.

– Впрочем, я вас прощаю. Жорж, переключите энергию на наши установки.

Шальников особо подчеркнул *наши* и отвернулся от Москвина.

Лучи лазеров погасли. Вся цепь полыхнула искрами от переключившихся контактов. Начал медленно нарастать глухой гул. Москвин подошёл к смотровому окну.

– Профессор, это всё? Не лучше ли было бы вызвать тогда джаз-банд?

Капитану никто не ответил. Гул нарастал, переходя на всё более низкие частоты. Наконец, звук в какой-то момент оборвался. И в следующую секунду, как показалось, воздух вспыхнул мириадами солнц, закрыв собою настоящее солнце и полнеба.

– Что это? Ядерные штучки? Я ничего не вижу. – Потрясённый Москвин со стоном повалился на пол. Вместо ответа последовал довольный голос Жоржа.

– Босс, формирование энергопотоков завершилось через 3 минуты 05 секунд. Слияние потоков через 0,1 секунды.

– Отлично, макака, я знал, что у тебя качественное оборудование. Дополни теперь лазерный радар и удалённые датчики.

– Органическая жизнь уничтожена минуту назад. Гумусный слой сгорает. Температура в эпицентре условная – 6 000 000 градусов.

– На поверхности?

– Верхние датчики сгорели, на глубине 2 метров подходит к 1800 .

Через защитное приспособление Шальников разглядывал эпицентр. Огромная армада бронетехники горела. Металл загорелся и разбрасывал в стороны куски окалины, которые, долетев до эпицентра, испарялись и выпадали на глубинные районы Китая траурным чёрным пеплом. Специальная съёмка успела запечатлеть то, что казалось невозможно увидеть. Вот стоит шеренга китайских солдат. Через сотую долю секунды видно, как их тела надулись, как мыльные пузыри, ещё через пять сотых секунды пузыри начали лопаться, превращаясь в белые облачка водяного пара. А вот и началось возгорание того, что обычно не горит – металла, воздуха... Знакомые бурые облака возникают как бы ниоткуда. На поверхности выступили песчаные островки, спекаясь и трескаясь, образуя стекловидную массу. Разжижавшаяся твердь медленно, как болото затягивает остатки китайской армии. Из трещин вырываются сернистые газы, и, клокоча, вырывается на поверхность верхняя магма.

Установки отключены уже более двух часов назад, но сложнейшие процессы ещё идут там. На жёсткие диски накручивается огромное количество информации, которую невозможно было бы получить в лаборатории.

Уже не люди, а развалины вылезают из окопов. В пятистах метрах от себя они видели ад.

Москвин тяжело отрывает от пола свинцовую голову. Первое, что встаёт из зелёного тумана – техник, протягивающий рюмку водки.

– Выпейте, капитан, будет легче. Однако Вы пропустили самое интересное.

– Шальников, ты – сволочь. Что ты сделал? Это нельзя. Это неправильно.

Москвин не в состоянии что-либо сказать одеревеневшим языком, хотел объяснить этим сумасшедшим, что то, что произошло, не укладывается никуда и никак, но слова не шли на ум. Москвин плюнул на всё это и уставился в окно. Чёрный жирный дым превратил майский день в кромешную ночь преисподней. Где-то вдаль распались какие-то дьявольские огни, освещая обезумевших солдат, которые разбрелись по степи. Ничего не понимая, некоторые из них брели прямо в пекло как лунатики.

– Интересное поведение, Кирилл Алексеевич, – заметил техник.

– Да, – протянул профессор, – мозг человека – большие потёмки, но, кажется, сегодня мы раскрыли много его тайн.

– Но как?

– Макака, много будешь знать – станешь умным.

– Профессор, ну, пожалуйста, – заканючил негр. Нам с капитаном чрезвычайно интересна ваша работа. Шальников был очень податлив к действию подхалимажа и поэтому очень быстро распустил свой павлиний хвост. Он подошёл к ЦВМ и, проделав таинственные манипуляции на клавиатуре, перешёл в режим просмотра работы алгоритма. На дисплее появилась карта с яркими точками, сложные гистограммы и записи биотоков мозга каждого солдата. Насладившись вопросительными взглядами слушателей, Шальников начал объяснять.

– Знаете, капитан, ведь я до последнего момента не знал, что кто-то здесь будет кроме нас. Как только вы объявились, появилась возможность провести интереснейшие опыты по действию магнитного поля на человеческий организм и мозг, в частности, которые я всё никак не мог провести.

Мысленно Шальников при этом воткнул шпильку в одно место Абрикосову за все рогатки и клинья, которые академик-моралист постоянно ставил на его пути к такому эксперименту.

В эту секунду на командный пункт зашёл адъютант профессора и доложил о готовности к отправке.

– Ну, пойдёмте, капитан гостеприимно предложил Шальников, за шашлычком, да за пивком мы мило побеседуем.

– Да, пожалуй. И ещё, внутри адская температура, почему нас до сих пор не снесло ураганом? – только дошло до Москвина.

– Положительно о военных врут, что они тупы, или вы – редкое исключение, – благоклонно ухмыльнулся Шальников.

– Видите ли, – он пропустил капитана вперёд. – Здесь речь идёт о довольно условном понятии температуры, то есть о тех условиях, когда начинаются некоторые превращения материи и пространства, как если бы здесь действительно полыхали миллиарды градусов.

Между тем Москвин вынул рацию, чтобы оповестить своих людей об эвакуации. При виде этого Шальников закрыл лицо ладонью.

– Господи, только подумаешь, что человек умный, как он оказывается идиотом.

– Я никуда не пойду без своих подчинённых.

– Ну и чёрт с вами! Последний раз спрашиваю, залезаете? – крикнул Шальников уже из вертолёта.

Вместо ответа Москвин вскинул автомат и, громко матерясь, обстрелял машину. Пули слабо царапнули по броне, не причинив никому вреда. Крепчал ветер. С Москвина сорвало каску и понесло по обгоревшим кочкам. Приближалась буря, от которой убегал Шальников.

В этот день, 1 мая 1966 года, профессор не мог успокоиться. В один день удача и неудача преследовали его, попеременно настигая. И в эту секунду он снова чувствовал что-то неладное. Связь с Аратом-22 так и не наладилась, и это внушало тяжёлые мысли.

Возбуждённый разговором Абрикосов полушёлся, полубежал по внешней эстакаде в энергетический блок, в котором, очевидно, произошёл сбой. Стёкла противогоза запотели, было тяжело дышать, хотелось сорвать с себя маску и глотнуть свежего воздуха.

Когда Абрикосов подходил к энергетическому блоку, дверь резко распахнулась, едва не сбив академика с ног. За ней стоял старший техник станции, с губ его срывалась пена, глаза выкатились из орбит, он хрипел только одно слово: "Там... там..."

В один прыжок Абрикосов оказался внутри помещения. То, что он увидел, помutilо его разум. В системе координации энергопотоков копалось безобразное существо величиной с кошку. Шарообразное тело, покрытое зелёной шерстью, жадно урчало. Длинным облезлым хвостом существо активно вертело в разные стороны, обрывая провода и срывая приборы. Уже видя академика, существо задрало хвост прямо перед его лицом. Насладившись своей наглостью, оно медленно повернулось на коротеньких мохнатых лапах.

– Явился, – глухо прохрипело оно, – давно ты портил мне всё. Но моё терпение не бесконечно.

– Прежде всего, – крикнул Абрикосов скорее для того, чтобы сохранить присутствие духа, – объяснитесь, по какому праву Вы находитесь на режимной территории.

– Что! – вскричал лохмач. Некое подобие его глаз и шерсть стали кроваво – красными. Ты хочешь сказать, что я стою не на своей территории. Это ты и только ты – чужак и пришелец здесь. Вас приняли как гостей, обогревали, создали условия для развития, а оказалось, что вы умеете только гадить.

С этими словами лохмач, выросший в размерах до человеческих, схватил академика за горло и поднес к своей пасти его голову. С выражением он произнёс:

– Да, гадить. С первых секунд своего существования вы жгли и корчевали джунгли вместо того, чтобы греться у нас гоблинов и кольбенов. Посмотри, – одним взмахом хвоста существо зажгло остатки целых ламп. Вы из-за своей глупой гордыни строите города, лезете в пустоту и дробите атомы. Зачем вы создали этот материал, который в обычных условиях губит обитателей этой благодатной планеты. Из хвоста лохмача на голову Абрикосова вытекла дымящаяся жидкость. Под её действием резина расплзлась в отвратительную зелёную тянучку. Тянучка сползла по лицу Абрикосова и его одежде, превратившись у ботинок в мягкий мох.

– Но сегодня, – лохмач начал ходить по залу, – всё это, всё – воскликнул он, обмахивая хвостом оборудование, – и Вы в первую очередь заявили о том, что можете уничтожить и нас и планету. Сегодня вы разбудили великие силы природы, нарушили энерго-энтропийный баланс и тем привлекли чужеземцев из пустоты. Земля проснулась, и она в ярости. Она будет мстить вам, и месть её будет страшна. Эпидемии, войны, голод, революции – всё это были шлепки расшалившимся детям, а теперь она просто сотрёт людей из пространственно – временного континуума.

Абрикосов сидел как поражённый громом и только открывал и закрывал рот, судорожно глотая слюну.

– Я не знал, – по его щеке ползли слёзы и медленно падали в мох, я не знал, что энергия нам доступна, что живём неправильно, и что она... – Абрикосов запнулся и добавил шёпотом, – что она живая.

– А ты спрашивал? – был ему ответ – не этим, – лохмач постучал хвостом по губам человека, – а этим! – и постучал по голове.

– Как?

– Так же как разговариваем мы сейчас.

И только сейчас Абрикосов обратил внимание, что за всё время не открывал рта.

Повисло молчание, которое снова нарушил кольбен.

– Да, ребята, наломали вы дров. Самое скверное, что исправить это может лишь тот, кто это всё сделал.

– ?

– Да, но лучший из лучших, настоящий герой. Дело осложняется тем, что в ваши матрицы проникли они, те, кто поработят нашу Родину. Нужно выбрать тех, кто не поражён их влиянием. Отбором их занимаюсь я, главный дух этой Земли. Начнём же скорее церемонию, пока ещё не поздно.

– Но почему именно я? – изумился Абрикосов.

Кольбен изо всех сил ударил хвостом по бетонному полу, отчего раздался чудовищный гром, здание раскололось надвое, стены рухнули, полетели куски разрушенного оборудования, из-под земли полыхнул огромный факел, расплавляя всё, лопнули трубопроводы с жидким кислородом, изрыгая клубы пара. Абрикосов с минуту ничего не видел, но вскоре развалины осветились волшебным фиолетовым светом, который переходил по спектру в красный и обратно в фиолетовый. Хвост кольбена опустился в бездонную пропасть, из которой продолжало извергаться пламя, и через несколько томительных минут извлёк огромный сверкающий кусок горного хрусталя. Кольбен взмахнул им.

– Духи лесов и лугов, явитесь!

В небе над развалинами раздалось прекрасное пение, и начали собираться в переливающийся синими и зелёными блёстками круг эльфы.

– Великий круг эльфов, – пояснил кольбен.

– Духи недр и гор!

Под остатками бетона забила какая-то неведомая сила.

– Это гномы, кольбены и гоблины.

Вдохнув воздуха, кольбен вырос ещё и начал размахивать хвостом, создавая мощный смерч. Смерч переместился к бездне. Кольбен страшным голосом закричал, – Земля, слушай меня, открой силу во имя равновесия двух миров!

Из кристалла вырвался белоснежный луч в центр смерча, постепенно расширяясь, разрывая пространство, он запольхал синими искрами.

– Заклинай! – кричал кольбен, – Заклинай Духом Земли!

Но что-то дёргалось в лице Абрикосова. Волосы его встали дыбом, глаза горели страшным жёлтым пламенем. Над его головой чуть светился неизвестно откуда взявшийся столб.

– Нет, Нет – кричал до смерти перепуганный кольбен. – Останови, останови его, Абрикосов.

Он бросал потоком луча из кристалла в голову академика. Кожа облазила, разрушающиеся ткани замещались, перестраивались в неизвестный организм. И вот уже не Абрикосов, а чудовищный монстр угрожающе наступал на Верховного духа Земли. Кристалл выбросил последний луч и с грохотом лопнул в хвосте кольбена, осыпая всё вокруг раскаленными осколками.

– Всё кончено, сыновья Земли. Вы больше ничего не можете, ничего не сделаете. Люди принадлежат нам, и с ними мы одержим победу там.

Пришелец при этом показал пальцем вверх. Из ослепительных глаз начала расти и шириться жёлтая сфера. Кольбен в страхе бросился прочь, но застыл в неподвижности как и прочие духи земли. На глазах он сморщивался, уменьшался, пока не превратился в рой светящейся пыли.

– Заклинаю вас, – вскричал преображённый Абрикосов, – Духом... – Изнутри, из чрева пришельца Абрикосов пытался выкрикнуть, но силы были не равны, его личность давилась и фраза так и не была закончена.

– Заклинаю вас Духом Пустоты!

Мгновенно всё было залито сверкающей чернотой. Исчезли руины, бездна, духи Земли и сама Земля.

Пелена спадала с глаз Абрикосова. За плечо кто-то тряс и звал, – Иван Николаевич, очнитесь, что с вами? Лёшка, скорее за доктором, Ивану Николаевичу плохо.

Абрикосов сидел на бетонном полу. Адски болела голова. Академик потёр виски, поднял голову и увидел озабоченное лицо старшего техника станции.

– Исаак Михайлович, что со мной? Что со станцией?

– Ну и напугали вы нас, Иван Николаевич. А со станцией что, работает себе, она же у нас железная, что с ней будет.

– Да, железная...

Абрикосов встал на ноги и пошёл в щитовую. Оборудование энергоблока мирно гудело. На выходе из зала он на что-то наступил, подняв при этом облачко разноцветной светящейся пыли.

– Всё, всё. Спать. Четверо суток на станции дают себя знать. Пусть делают контрольные лучеметания без меня. Ничего сложного в этом нет.

Лопасты вертолёта рубили могучий воздушный поток. Ветер крепчал, и всё более сносил эскадрилью к северу. Шальников нервничал. Близилось время, назначенное Землёй, но никаких признаков этого не ощущалось. Профессор метался по крохотной, прокуренной каморке. Включилась спец связь, на экране появилось толстая лоснящаяся ряшка Фабриканта. Фабрикант подбодрастно дрожал двойным подбородком, не смея первым начать разговор.

– Ну что?! Слишком хорошо живёшь. Отожрал морду, в экран не влезаешь, а тут начальник – Шальников указал пальцем на себя – жизнью рискует.

Толстяк потупился. – А что я, я ничего. Меня не направили.

– Правильно сделали. Если бы я послал тебя, то китайцы уже точно под Москвой сейчас были. Ну да не об этом речь. Какого чёрта твои установки не дали при испытаниях полную когерентность, и смещение фазы болталось, чуть ли не на 5%. Да что там, только монохромность устанавливалась минут пять. Мой человек из КГБ у тебя уже был?

– Да, – еле пролепетал Фабрикант, дрожа всем телом.

– На конференции, – Шальников посмотрел на свои огромные командирские часы с компасом, – через неделю в Штатах запустишь слух, что у нас утечка ценной информации, чтобы там поверили заброшенной информации насчёт лазерного щита. Ты подготовил людей, которых следует внедрить для контроля за ходом операции?

– Да.

– Так покажи их, идиот, – вскипел Шальников. Несколько минут он втолковывал молодцеватым ребятам о крайней необходимости выдавливать из противника максимально больше денег на то, чтобы победил социализм во всём мире. Профессор явно кривил душой, поскольку ему до лампочки была мировая революция, и не было особо сильного желания кого-то, что называется, "кидать на ржавые гвозди". Всё объяснялось банально просто – ему были нужны деньги. С каждым годом обнаглевшая номенклатура хапала всё больше валюты, и всё меньше шло на Шальниковский центр. Была идея, как обуздать хапуг, но всё как-то не доходили руки. А пока, через подставных лиц профессор создал в США корпорацию "Интел", которая должна была получить госзаказ на создание стратегической оборонной системы. Шальников был просто в восторге от своего хитроумного плана. Одним выстрелом он убивал двух зайцев. С одной стороны убирал лишних конкурентов из орбитального пространства, а с другой получал хороший куш.

Закончив инструктаж, Шальников подозвал толстяка и, глядя ему между глаз, отчётливо произнёс, – Ты, мешок с говном, не дай бог что-то случиться и американские спутники начнут сбивать мои орбитальные станции, я с тебя с живого кожу сдеру. Всё понял? Иди отдыхай.

Шальников отключил аппарат, откинулся в кресле и задумался.

– А что делать? Если не так с ними обращаться, то в моём центре будет такой же бедлам, как и во всём Союзе.

– Это точно, Кирилл Алексеевич, только так и никак иначе. Кнута им всем надо, чтобы слушались, – высказался Жорж, оторвавшись от своего занятия – высасывания остатков пива из бутылок и обглаживания собачьих костей.

– Сейчас кое-кто получит фейсом об тейбл. Кстати о фейсах и френдах. Надо потолковать с Майклом.

– А, это тот парень из Пентагона, с которым вы хорошенько нагнали Дрезденскую галерею в конце войны.

Да и не только её – протянул Шальников, вспомнив такую далёкую молодость, но тут же опомнился, – скажи ещё только одно слово и я тебе оторву всё, что у тебя выступает наружу.

Негр с воплями о правах человека шмыгнул в пилотскую кабину. Вытолкнув взашей Жоржа, Шальников начал наводить порядок. Он сгрёб бутылки, кости, окурки, клочья газеты в грязную тряпку сомнительного происхождения и выбросил образовавшийся огромный узел за борт. Взамен всего этого место на столике занял небольшой чемоданчик. Шальников осторожно открыл защёлки, ухмыльнулся и задумался. Профессор думал насколько относительная вещь будущее. Ещё две недели назад он водил коллег по громадному зданию, забитому коробками, дурацкими бумажными лентами с дырочками, кучей железа и восторженно рассказывал о современной вычислительной машине. Было не важно, что она выполняла умножение, чуть ли не целую минуту, а за час работы ломалась раз десять. Главное, все поверили и, несколько прохиндеев увезли с собой несколько усовершенствованных радиоламп, радостно потирая руки.

Правительственной комиссии он демонстрировал уже полупроводниковую машину и деловито объяснял, как обжоген капиталистический мир. За это, собственно, и получил очередной орден.

В центре и во всех уголках мира уже зримо обозначивших остов огромной империи использовалось то, о чём никто в те далёкие годы не мог и подумать.

Шальников по самую макушку заполнился гордостью.

– Да, я заслужил это. С некоторым трепетом он достал кристалл и вложил его в специальное гнездо. Внутри, по специальным светоносителям потекло лазерное излучение. Лицо его осветилось магическим светом. Такое освещение придавало ему вид безумия, и это впечатление было недалеко от истины. Шальников физически ощущал, как он пронзает века и тысячелетия, поправ поиски и дерзания ничтожных людишек, переворачивая все существующие законы. Такие мысли металась в его голове в течение бесконечных трёх секунд, пока шло формирование информационного кристалла. Это было невероятно, но Шальников за несколько лет прошёл путь, который человечество до сих пор не прошло и не пройдёт ещё долго. Как это могло произойти, наверное не узнает уже никто, но эти достижения Шальников уже мысленно положил в основе чудовищной идеологии невиданной по своей жестокости и степени уничтожения личности, идеологии империи зла.

Кристалл отформатировался на 10 в двадцатой степени килобайт, с быстродействием в 800 триллионов операций в секунду. Информация вывелась в виде голографического изображения.

– Наконец-то, наконец, я могу всё расшифровать. Практически все бесконечно сложные, кажущиеся случайными связи. Могу создавать системы управления с бесконечным числом управляемых параметров и управляющих сигналов, взаимно связанных и переплетённых в хаотичный узор многообразия жизни. Я могу управлять и крохотным атомом и бесконечной вселенной и даже, – Шальников испуганно обернулся, – даже человеком с его бесконечными эмоциями, желаниями, стремлениями и страстями.

– А не слишком ли ты много берёшь на себя?

Шальников вскочил и больно ударился о какую-то железку затылком.

– А, что!! Разве можно так пугать. У меня чуть сердце не выскочило.

– И с такими нервами ты хочешь править миром.

– Послушай, планета, надо хоть как-то предупреждать о начале вступления в общение.

– Ты, составная часть единого целого, хочешь ставить условия мне – огромному комплексу с единым информационным и полевым пространством, в системе которого интегрированы органические и неорганические носители разума 85 различных классов и 13 временных линий, имеющему свой номер в регистре интегрированных систем. Ты сперва как следует подумай, кто ты, а кто я. Мечтаешь о господстве, а сейчас, быть может, как ударит твою скорлупу о землю, чисто случайно, и всё сразу рухнет, от тебя ничего не останется, подумай об этом.

Шальников нахмурился. – Угрожаешь мне? Ты блефуешь, размахивая своими регалиями. Никогда ещё у тебя не было такого шаткого положения. И я нужен тебе. Ты слышишь, кусок космической пыли! Я тебе нужен! Ты умрёшь без меня. Миллиард лет ты окружаешь себя бездарями, теряешь нить развития, а соседи не дремлют. Халькотрон уже здесь, а ты не в силах с ним справиться. И можешь беситься, наказывая всех с кем справиться не так трудно, как с этими космическими проходимцами.

– А!

– Ну что "А!" Ты думаешь, я глухой и слепой. Нет, я всё вижу. И не хочу стать пушечным мясом в халькотронских интригах. Разве мало я сделал для Земли? Кто как не я создал для тебя магнитное оружие для борьбы с космической нечистью?!

– Но как! Ведь ты даже не посвящён в истинные духи Земли, ты не можешь этого знать.

– По-моему, мы должны найти, наконец, общий язык. Армия духов Земли почти уничтожена. Кольбен Ольденбург проявил на посту Главного духа полную бесталанность и способность только к тому, чтобы развалить любую работу. Грубо говоря, так подставить под удар эту планету мог только полный идиот. Хотя о покойных плохо не говорят, но сейчас не та ситуация, чтобы соблюдать приличия. Короче, дело твоё и выбирать тебе, но только я смогу исправить положение, взяв все остатки силы и власти.

Обе стороны тягостно замолчали. Шальников ощущал, как кто-то переворачивает вверх дном его мозг, залезает в самые потаённые уголки сознания, пытаясь вскрыть коварный замысел. Наконец, он не выдержал.

– Какого дьявола! Ты не веришь мне, так убей меня. Только поразмысли, долго ли проживёшь после этого.

Шальников ставил на кон всё. Не только отдельные люди, но целые народы и цивилизации стирались планетой, а уж прихлопнуть зарвавшееся ничтожество было для неё проще, чем человеку раздавить комара. Планета в величавом молчании разворачивалась в пространстве. Волны магмы клочкотали внутри, и Шальников внимал этому гневу. Планета искала и не видела выхода.

– Как я могу вручить тебе Великую силу природы, возникшую и бесконечно растущую в молчании вечности. Загляни внутрь себя, ты наполнен гневом и безумием, ты не сможешь удержать силу и выполнить миссию.

– Да? А что же кипит внутри тебя, с чем ты не можешь справиться?

В ту же секунду планете стало действительно страшно. Этот ничтожный человечешка видел её насквозь.

– Какие ты можешь предоставить гарантии?

– У меня нет гарантий, просто поверь мне.

– Ну что же, только не пожалей об этом после.

Пол кабины начал светиться, по нему волнами пошли сверкающие искры. Жорж на миг, было, сунулся из пилотской кабины, но тут же отпрянул назад, бледный от страха. Множество тончайших лучей сошлись на профессоре как в фокусе и преобразённые, потемневшие вырвались наружу, замкнувшись в эллипс над его головой. Светящийся эллипс развернуло в огромную сферу, закрывшую человека. Сфера медленно и мягко приподнялась в воздухе и выскользнула наружу сквозь бронированную стенку вертолёта. Эскадрилья зависла в воздухе, все взгляды были устремлены на сферу, которая начала извергать во все стороны кровавые лучи, обжигая глаза пилотов. Наконец, чёрный сверкающий поток обрушился вниз, оставив в воздухе огромное существо, ошестинившееся шипами и вооружённое до зубов странным оружием. В воздухе проступали из пустоты огромные крылатые драконы, из пасти которых полыхало чудовищное пламя. То, что ещё недавно было Шальниковым тихо, но отчётливо обратилось к присутствующим, – Герои, на нас возложена высочайшая миссия. Очень немногие из нас выживут. Но те, кто дойдёт до конца пути, изменят этот мир. Я верю в вас, в наше предназначение и в нашу победу. Всё деструктивное, разрушительное уйдёт и придёт царство справедливости и благоденствия.

Широким жестом профессор направил полчища духов вулканов на северо-запад в сторону древней столицы. Пилоты и техники провожали их взглядами, пока драконы не растворились вдали. Затмение и растерянность прошли, и боевые машины направились в сторону центра базирования на восточных болотах.

Впервые за долгие годы Шальников ощущал великое, ни с чем не сравнимое чувство свободы. Бешеный ветер развеивал волосы и одежду. Далеко внизу проплывали поля и леса. Всё это было подвластно его воле, и от этого ощущения профессор выделял невероятные воздушные трюки, то, срываясь камнем вниз, то, взмывая вверх к солнцу, широко раскинув в стороны руки. От безумного чувства он неистово хохотал. Казалось, весь мир был у него в

кармане, но возникший неожиданно образ столицы с острями шпилей и звёзд вернул Шальникова к реальности. Шальников не любил Москву. Это скопище самодовольных, напыщенных людей, которые считали себя лучше остальных только на том основании, что жили на этом крошечном клочке земли. Из этого места исходили всегда одни неприятности и лишь иногда – деньги на проведение особо важных исследований. Делом Шальникова, как генерального директора Восточно-Сибирского исследовательского, центра было откатать этих денег как можно больше. Шальников испуганно оглянулся, но увидел, что предусмотрительные драконы уже стали невидимы, незримо сопровождая нового хозяина. Новые возможности приживались и прирабатывались довольно долго. Чтобы не терять времени Шальников распорядился об автоматической проверке функциональных возможностей главного духа.

Москва сияла огнями. Казалось, этот балаган бросает вызов тьме, обступившей её. На ум Шальникову пришли слова из модного романа – Тьма, пришедшая со Средиземного моря... – При этой мысли он усмехнулся, затем внимательно приметился и камнем ринулся с безумной высоты к земле. Земля росла и тянула к себе блудного сына. В какую-то секунду мостовая в глухом закоулке закуталась синим туманом и расступилась перед падающим главнокомандующим. Вокруг стало тесно, темно и запахло тёплой гнилью. Где-то вдалеке журчала вода. Прямо из глинистой стены высунулась козлиная рожа с редкой бородкой.

– Ты откель взялся, человеке?

– Какой я тебе человеке, ты немывтая морда. Сейчас я тебе покажу, – с этими словами Шальников схватил гнома за свиной пяточок и подтащил поближе.

– Виноват, – всхрюкнул гном – ваше благородие, не признал, не извольте гневаться. Разрешите препроводить куда изволите.

– В Москву подземельную.

– Сей же час, ваше превосходительство.

Гном поплевал на свои ладошки и трижды громко хлопнул. Туман за клубился сильнее, и они пошли, окутанные светящимся дымом, в направлении Старой площади. Шальников по дороге тщетно пытался связаться с эскадрилей драконов телепатически, информационное поле планеты фонило невероятно. Было видно, что Халькотроны глубоко интегрировали в систему и вытягивали силу из планеты. Главный дух физически чувствовал это, но все чувства он задавил и холодно анализировал ситуацию. Быть человеком и духом оказалось чрезвычайно сложно. Проблемы и вопросы, казавшиеся человеку неразрешимыми, легко решались великим духом, причём почти всегда эти решения тут же стремительно устаревали. С каждой секундой власть Шальникова таяла. Земля внимательно наблюдала за ходом анализа. Скорость обработки падала, количество источников информации уменьшалось, с каждым вновь погибшим центром всё сильнее у Шальникова перехватывало горло, стальные пальцы агрессора замыкались. Для ускорения обработки информации, профессор, сам не зная как, организовал интерфейс с компьютером. Стало несколько легче. Шальников мельком взглянул на своего проводника. Тому было нехорошо. Он то и дело утирался ладонью, тяжело дышал, глухо всхрюкивая. Движения стали не координированными, без конца он выскакивал на станции метро, до смерти пугая своим рылом поздних прохожих.

Анализ был неожиданно прерван сообщением по каналу экстренных сообщений. На экране, забитом снегом и шумом, появился заместитель Абрикосова, которого Шальников приставил к академику для наблюдений. Скороваров был крайне возбуждён и захлёбывался словами.

– Товарищ подполковник, как вы и предполагали, доказано, что устройство, способ управления и запись информации в мозге человека полностью идентичны устройству современной вычислительной машины. Каждая нервная клетка – это ни что иное, как элементарная ячейка памяти. В машине, да и нет, 0 и 1, – напряжение высокого и низкого уровня, в мозге 0

и 1 – возбуждённые и заторможенные клетки. Причём при одинаковом двоичном коде слова имеют восьмибитный формат как у наиболее примитивных машин.

– М-да, итого, при среднем количестве клеток 10 миллиардов, ёмкость оперативной памяти миллион килобайт.

– Но и это ещё не всё. Мы, кажется, нашли место расположения постоянной памяти. Да, да, Кирилл Алексеевич, помните пылевые образования, которые никак не удавалось идентифицировать.

– Пролептонные частицы со сверхвысокой частотой.

– Да, – удивился Скороваров, – а как Вы узнали?

– Я теперь много что знаю!

– Основной принцип в поличастотности, в различных размерах частиц.

– Нет, тут сходство кончается. Всё гораздо проще, чем в информационном кристалле. Положительный и отрицательный ответ определяется верхним или нижним зеэмановским уровнем частицы.

– Не может быть, полем можно программировать человека. Великое поле! – вскричал потрясённый Шальников, – ты всемогуще.

– Именно так. Переброс частиц с уровня нижнего на верхний и наоборот магнитным полем различной направленности с интенсивностью сигнала в оптимуме 18 Вольт.

– Это же как, – Шальников возбуждённо прикидывал, – значит, полевая матрица по размерам в 100 раз больше кристалла и размер частиц на 100 порядков меньше размеров атомов – ячеек памяти в кристалле. Итого, объём постоянной памяти человека – 10 в 32 степени килобайт. Неудивительно, что люди так понадобились Халькотронам.

Поступившая информация настолько спутала всё в сознании профессора, что голова гудела. Все планы рушились. Ещё несколько секунд назад он был Великий дух планеты, с недосыгаемой высоты взиравший на ничтожных людишек. И в одно мгновение сама планета оказалась менее сильна, чем любой заурядный человек.

Человек – это звучит гордо, – подумал Шальников, – пророческие слова. Внутри него вскипал гнев.

– Почему? – мысленно вскрикивал он, – Я – тот, кто наиболее достоин получить столь большие возможности. Почему они, жалкие ничтожества, не пошевелившие и пальцем для своего самосовершенствования, получают всё, абсолютное знание, дающее абсолютную власть, а я, пройдя через унижения и лишения, не раз посмотрев в глаза смерти, прорвавшись через тернии, вляпаюсь в ...! – Шальников озибался как загнанный волк. В глаза ему ударил яркий свет станции метро. Прямо на него шёл прохожий. Гулкие шаги ударили, казалось, по самому мозгу.

– Не дам! – дико взвopil Шальников, – моё!

Он попятился, споткнулся и растянулся на полу. От страха на него напала икота, и ещё через несколько секунд он громко рыгнул плазмой на перепуганного прохожего.

– Кирилл, очнись, пора действовать. Тебя ждут великие дела.

Шальников тупо посмотрел на кучку золы, оставшуюся от случайного прохожего, надохлого гнома, покрытого налётом чёрной пыли, – Кто здесь? – никак не мог понять он.

– Здесь сила намного большая, чем ты себе можешь представить.

Я – главнокомандующий армии Халькотрона. Во избежание дальнейших жертв, предлагаю сдаться. Всякое сопротивление бессмысленно.

– Да как ты смеешь, космическая мразь!

– Давайте обойдёмся без оскорблений. Я пришёл предложить Вам неплохую сделку. У Вас есть товар, и я согласен его купить. Причём покупаю я то, что, собственно, Вам не принадлежит, да и не нужно. А что получаете Вы взамен? Высокий чин армии Халькотрона, прекрасные перспективы жизни в процветающем высокоорганизованном обществе. Я давно при-

сматриваюсь к Вам. Вы – способное, талантливое существо и достойны лучшего, подумайте об этом.

– Ты говоришь о людях. Так вот знай, ублюдок, они мои, они будут всегда подвластны только мне. Я слишком много истратил своих сил, чтобы дать силы им, и кому и сколько их отдавать, буду определять только я. Ты понял? Я, и больше никто. А если ты будешь иметь что-то против, то я заставлю тебя сожрать твои собственные кишки.

Метким магнитным ударом Шальников разрушил информационный вражеский канал. Такое ловкое попадание вызвало у него приступ неистовой радости. Радоваться было чему. На полу перед ним лежал листок с алгоритмом уничтожения халькотронской интервенции. Хитроумный, гениальный, дьявольский план, предусматривающий уменьшение возможности духа и появление новых возможностей людей, созданный сатанинским гением Шальникова.

– Да, да, да, – кричал во весь голос профессор, да так, что стены метрополитена раскачивались, а сверху сыпался песок и щебень. Выплеснув эмоции, он шепнул в гулкой тишине, – Драконы ко мне. Громко чеканя шаг, кто-то приближался к главнокомандующему. Из воздуха проступал облик полковника Этны.

– Мой генерал, эскадрилья духов вулканов по Вашему приказанию собралась и ждет Ваших распоряжений.

– Прекрасно, полковник. Я хочу их видеть.

Этна величественно поднял руку. Мгновенно всё вокруг приобрело кроваво-красный оттенок. Огромное помещение оказалось заполнено непонятными существами. На Шальникова со всех сторон были направлены клыки, шипы, кожистые наросты. Из раскалённых пастей попыхивало пламя. Сотни пылающих глаз пожирали крохотного человека. От этого зрелища профессора передернуло, по спине побежали капли холодного пота. Эта минутная слабость не ускользнула от пристального взгляда Этны. Его презрительная ухмылка явно выдавала давнюю неприязнь к человеческой расе.

– Друзья мои, начал, наконец, Шальников. – Только что большим коллективом во главе со мной был разработан план боевых действий против армии Халькотронов. Вашей доблести в этом плане отведена чрезвычайно большая роль. Вкратце я вас с ним ознакомлю.

Постепенно, стиснув зубы, драконы приобретали человеческие черты, превращаясь в посредственно слушающую студенческую братию. В огромном зале в ночи гулко звучал голос профессора. Необычайнейшая была та лекция. Скопище почти людей тесно обступило лектора. Кто-то внимательно вглядывался в голографические картинки, проплывающие над головой, кто-то тихонько перешёптывался с соседями, а кто-то откровенно дремал, привалив голову на чью-то чешуйчатую спину, измотавшись за день. Шальников рассказывал, но мысли его были где-то очень далеко. Как же давно он не читал лекций! Сколько утекло воды с тех пор. Да, да, еще до войны, когда совсем молодым доцентом он впервые вошёл в аудиторию и на первых своих студентов смотрел со страхом не меньшим, чем сейчас на это стадо плохо управляемых монстров.

– Итак, я заканчиваю. Ваша главная задача – энергетическая поддержка инверсии пролептонного пояса планеты. Как я уже говорил, пролептоны – элементарные носители информации во вселенной. Переведя их полностью на нижний зеемановский или верхний уровень, это безразлично, мы создадим прочный информационный щит, и не одна директива врага не пройдёт извне. Это состояние с высокой энергией, и все электростанции планеты не смогут его удержать, не говоря уже об аппаратном оформлении. Сейчас каждый из вас уже получил данные о том, в какой точке пространства нужно находиться, и каких параметров магнитные поля надо генерировать.

Собрание зашумело и заискрило. – Но, мой генерал, мы превратимся в живые мишени.

– Это предусмотрено, на время, пока вы держите оборону, вас будет прикрывать огнём орбитальная лазерная гелеостанция.

– Послушайте, Вы, – взревел Этна, – мы сами кого угодно можем поддерживать огнём, или Вы сомневаетесь? – Этна громко хрипел, из ноздрей его летели искры. – Но на кой дьявол мы будем держать этот дурацкий щит, когда гораздо проще атаковать негодяев, тем более, что удерживать его мы сможем не более часа. И, вообще, собраты, это измена, он хочет подставить нас под удар и сдать планету Халькотронам.

Возбуждённая толпа кипела, громко возмущалась и была готова к бунту. – Да кто он такой? Урод, человек! А мы этих людишек насквозь видим. Мелочные продажны твари, и этот не лучше остальных. Взять его!

К Шальникову потянулись когтистые лапы. – Всё, это конец, – подумал он, – сейчас от меня полетят клочья. – Прямо на него в центр толпы продирался огромный седой дракон. Даже в сравнении с самыми крупными он казался гигантом. На его груди сверкал орден, а к потрёпанной форме пришиты были сержантские нашивки. Некоторые почтительно расступались перед ним, многие глядели с нескрываемой злобой и страхом. Было видно, что он очень раздражён. Длинные седые патлы без конца прилипали к лицу и дополнительно выводили его из себя.

– Полковник Этна, Вы забываетесь. Хочу напомнить, что Вы непочтительно отзываетесь о старшем по званию. Более того, о Верховном Главнокомандующем и Верховном духе планеты. Если Вы немедленно не извинитесь в соответствии с Уставом сил обороны планеты, я должен буду Вас арестовать.

– О чём Вы говорите, Везувий. Этот человек – предатель и заслуживает смерти!

– Ты прекрасно знаешь, о чём я говорю. Все, все посмотрите на этого дебила. Он и такие как он довели нашу планету до такого позора. – Везувий грозно жестикулировал, наступая то на толпу, то на полковника.

– Вы все погрязли в интригах, сплетнях, а ведь мы живём на одной планете и поэтому обязаны договориться, работать все вместе, как одна команда. И не важно, кто ты, человек или дракон, копаешься ты в глине или летаешь в атмосфере. В единстве наша сила, как сила пальцев в кулаке. – При этом сержант показал кулак ближайшему шуплому дракону, от чего тот шлёпнулся в обморок. – А что касается плана, то мы – солдаты, и не нам обсуждать планы и приказы начальства, пусть даже это начальство – человек, но он поставлен командовать Землёй, а планета знает лучше нас, что делать. Вспомните, как когда-то мы уже изгнали врага. А кто был главнокомандующим? Гоблин, к вашему сведению. При слове "гоблин" кого-то потянуло проблеваться. До Шальникова, наконец, дошло, что его уже не порвут на куски. Это несколько его приободрило, и для поддержания торжественности момента он тоже решил высказаться.

– Спасибо, полковник Везувий.

– Сержант, мой генерал, сержант Везувий.

– Нет, отныне полковник, более того, командир эскадрильи духов вулканов. Веди вперёд наше войско, храбрый герой, в тебе я вижу задатки истинного лидера.

– Слушаюсь, мой генерал.

Вдруг низкорослый Этна кошкой взвился и вцепился в горло Везувия.

– Ах ты змея, пригреб я тебя, а ты вот как ответил на мою заботу, продажный, почти как человек.

Неизвестно на что рассчитывал бывший полковник, но этот выпад окончательно подорвал его авторитет. Полузадушенный Везувий хрипел, – Хозяин помоги. – Толпа стояла с каменными лицами. Шальников, наконец, понял, что от него требуется. Лёгким движением Верховный дух оторвал Этну и с размаха шлёпнул о землю. Тот, кто ещё недавно щеголял военной выправкой и командовал последним боеспособным подразделением планеты извивался на полу как недодавленный червяк.

– Я, Верховный дух, властью данной мне планетой, приговариваю духа вулкана Этну к смерти. – Шальников вынул меч из ножен и, размахнувшись, отсек голову бунтовщика. Обезглавленное тело тут же вспыхнуло и растеклось красной лавовой жижей.

– Мой генерал, нам пора, – обратился Везувий.

– Удачи тебе, полковник.

Взрели столбы пламени. Драконы, размахивая перепончатыми крыльями и довершая разрушения могучими ударами чешуйчатых хвостов, один за другим взмывали вверх, окутываясь клубами синего дыма. В клубах дыма они исчезали в толще каменного свода. Вскоре Шальников остался один посреди разрушенной станции метро. Он посмотрел на часы. Было без десяти пять, второе мая.

– Нехорошо как-то, скоро пойдут поезда, а здесь такой разгром! – подумал Шальников. Он поднял ладонь и сжал её в кулак. Станция сразу же приобрела первоначальный, даже лучший вид. К станции приближался заспанный уборщик, волоча за собой на изодранной бечёвке полотёр. Полупав глазами на сверкающий чистотой зал, он решил плюнуть на уборку и развалился на полу, блаженно затянувшись козьей ножкой.

– Так, с энергообеспечением разобрались. Теперь надо отсоединить систему управления Халькотронов от моей планетной системы. Раздробить на отдельные элементы и потом безболезненно для себя стереть, никак не повредив свою систему. Что мне для этого надо? – Шальников поднял с пола листок бумаги, прочёл и спрятал во внутренний карман френча. До самого своего конца он так и не переборол своей неприязни к вычурности и торжественной многозначительности церемониалов и образов, которые так лелеял его предшественник Гольденбург. Вот и теперь, не устраивая большого шума, он извлёк лучевой ключ, тот самый кусок хрусталя, который так поразил воображение Абрикосова. Только лишь небольшая искра плазмы обозначила момент его получения. Деловито насвистывая, он выплавлял оптоволоконный шнур. Расплавленный кусок кремнёвки умелые руки быстро плющили, извивали и превращали в качественное изделие. Несколько последних штрихов и магический кристалл соединён с компьютером. Теперь следовало раскодировать ключ для включения системы удалённого управления форматом.

Профессор вставил в псевдокристаллическую массу лучевого ключа менее крупный кристалл. Началась расшифровка. Чтобы не тратить времени зря, Шальников развернул комплект связи и вызвал личный номер академика Абрикосова. На экране появилось отёкшее лицо Абрикосова, глаза его были красными от хронического недосыпа. Первое, что увидела автоматическая система идентификации личности – это сидящего внутри Абрикосова Халькотрона. Пришелец скалил зубы и корчил пошлые рожи, полагая, что невидим для всех. Шальников стремительно набрал необходимую директиву, и через 40 секунд матрица врага была отсоединена от человека и стёрта. Теперь можно было говорить спокойно.

– Здравствуй, учитель, – в голосе Шальникова чувствовался приторный елей.

– Здоровья и тебе, Кирилл Алексеевич, у меня неплохие новости. Только что на станции закончили лучеметание с орбитальной базы Луна-9. Опыт полностью подтвердил расчёты на твоей машине, потери лучевой энергии в накопительных тороидах ничтожны. Буквально завтра можно начинать монтировать единую лучевую систему энергообеспечения. Сынок, ты что не весел? Дело, между прочим, пахнет Нобелем, ни много, ни мало.

– Учитель, это всё хорошо, но...

– Никаких но, такие события бывают не каждый день. Через три часа встречаемся в Москве в Астории. Мне доложили, что ты уже в первопрестольной. Надобно обсудить насчёт искусственных биогенных имплантантов. Интереснейшую ты подкинул теорию белковой несовместимости, как причины отторжения.

– Извините, Иван Николаевич, что перебиваю, но выполните, если не трудно, несколько моих просьб на Арарате.

Шальников знал, что если не остановить академика, то разговор затянется надолго, памятуя о том, как они, бывало, засиживались до утра, горячо споря и мирно беседуя о заоблачных теориях, переходя к сиюминутным техническим проблемам и заканчивая обсуждением рецептуры булочек, которые Абрикосов пёк неподражаемо и обеспечивал ими чуть ли не весь персонал.

– Что, хочешь старика запрячь в работу, а сам погулять на славу?

– Я скоро присоединюсь к вам.

– Узнаю, узнаю, моя школа, работать до седьмого пота. Но что за спешка?

– Это не сетевой разговор. Сейчас мне надо знать, закончена ли глобальная система управления форматом, у кого второй ключ от системы, возможно ли перевести в 64-битный формат, скажем 20-25 человек.

– Хорошо, – Абрикосов развернулся к вычислительной машине и извлёк требуемую информацию. Итак, для создания системы необходимо ещё 12 спутников класса "Восток", второй ключ хранится у хозяина, а перевести в 64 формат можем прямо сейчас, но...

– Только не это!

– Да, методика не отработана на лабораторных животных, а использовать людей в экспериментах очень опасно для их жизни.

– Хорошо, учитель, объявите о том, что нужны добровольцы и всё объясните, тогда ваша совесть будет чиста: они сами этого захотели.

– И всё же я против.

Шальников понял, что придётся надавить, причём обычный мат и рукоприкладство здесь не помогут. Он внимательно посмотрел на межбровье академика и отчётливо произнёс, – Учитель, Вы сделаете всё, о чём я Вас прошу сразу же после нашего разговора. – Далее беседа пошла как-то не по-человечески, а сухо по машинному.

– Слушаюсь, – ответил Абрикосов.

– Сколько у нас в наличии спутников?

– На балансе три спутника класса "Восток".

– Подготовьте их к запуску по программе А.

– Время запуска?

– Сразу же после подготовки.

– Нецелесообразно, ракета-носитель может поднять на орбиту сразу 6.

– Хорошо, подготовьте то, что есть и вывозите на Байконур. После ждите дальнейших распоряжений. Подготовку людей поручите Скороварову, пусть доложит, как только будет готово по спец связи, да и ещё, спутники укомплектуйте магнитными пульсаторами.

– Будут ещё приказания?

– Всё, вы свободны.

Экран погас. Шальников обернулся, вокруг были угрюмые глинистые стены, на полках повсюду разбросаны книги, инструменты. Сам не понимая как, он перенёсся из метро в Московскую резиденцию Верховного духа. От разговора с Абрикосовым в такой манере у профессора скребли на душе кошки. На столе, заваленном бумагами, элементами вычислительной системы стояла бутылка с водочной этикеткой. Шальников схватил её и хлебнул, но тут же выплюнул. Гольдеборг, как, оказалось, любил в часы досуга выпить жидкого азота. Шальников представил, какой у него сейчас дурацкий вид: с физиономии капал сжиженный газ, изо рта валил густой пар. В таком виде его и застал полковник Везувий. Он был весь в крови и в копоты.

– Шальников, ты что делаешь, ты хочешь, чтобы мы здесь сдохли!? Где огневая поддержка?

– Сейчас, полковник, я беру управление на себя. Шальников включил общий обзор, полученный от Везувия. На экране на расстоянии 3000 км от поверхности Земли плыла по орбитальной траектории центральная база противника. От неё отрывались и входили в неё крупные

корабли с десантом, мелкие спутники систем управления, связи и разведки. Не имея больше возможности проникать в информационном порядке, агрессоры решили перейти к прямому удару, из чего профессор сделал заключение о несовершенстве системы управления Халькотрона на Земле. Многие корабли направили лучевые удары на несколько сот крохотных точек. Эти точки были ни что иное, как совершенно безоружные драконы, их избивали как младенцев. Не теряя зря времени, Шальников вызвал энергетическую базу на Луне. Обратной связи не было, и не было уверенности, что на Луне его слышат.

– Луна-9, всем, кто меня слышит. Гера, Витя, Егор, если вы ещё живы, слушайте мой приказ: всю имеющуюся в наличии энергию немедленно переправить к боевым установкам и направить на те объекты, которые в поле вашего зрения производят несанкционированные лучевые тания.

Шальников прекрасно знал, что на Луне-9 установлены только маломощные лазерные установки и, раскрывшись, Луна-9 не имеет ни малейших шансов выжить. Сквозь шумы и свист ему показалось, что он расслышал их голоса. На экране разворачивались дальнейшие события. С поверхности луны по флоту Халькотронов обрушился яростный поток, неся разрушения и смятение в ряды врага.

– Помогите вам Верховная сила! – едва слышно прошептал побелевшими губами Верховный дух. Из тени планеты величаво выплывал гигантский гелеорефлектор, сверкая гранями из сверхпрочных отполированных пластин спецсплавов. Гигант десятикратно превышал размеры станции Халькотронов. Противник, игнорируя лазерные плевки Луны, направил огонь всех орудий на более важный объект.

–

Проклятие! – вскричал Шальников. – Что делать!? Надо что-то делать. Профессор открыл иконку с автоматикой рефлектора. Всё было верно, не так давно с него в виде излучения была снята почти вся энергия: около полутора миллиарда мегаватт-час, а в запасе оставались жалкие несколько десятков мегаватт, исключительно для внутренних целей. Не долго думая, Шальников отключил автомат и подсоединил к компьютеру джойстик. Медленно, под градом ударов он развернул машину лазерным преобразователем в сторону вражеского флота и нажал кнопку сброса. Огромный факел полыхнул по пространству, полетели обломки, превращающиеся в пыль, дробящиеся и дробящие на ходу остававшиеся целыми корабли. Халькотроны, перегруппировав свои ряды, готовили ответный удар. Колосс не имел более возможности ответить, так как был лишён энергии и обездвижен. Шальников не в состоянии был смотреть на гибель гиганта и поэтому в мрачном расположении духа телепортировал в загородную резиденцию того, кого почти все называли хозяином.

На розовой кушетке лежал хозяин. Широко раскрывши рот и высунувши язык, он пускал пузыри.

–

Господи, – думал Шальников, – и этого борова кто-то называет хозяином. Профессор уселся в кресло напротив и наподдал сапогом по кушетке. Брежнев мешком шлёпнулся на пол и начал нести какую-то ахинею,

– С чувством глубокаго удовлетворения поздравляю трудящуюся профессуру с праздником Первого мая. – И полез целоваться.

– Уйди, уйди от меня грязный извращенец. Опять нажрался как свинья на Первомай. Короче, Лёничик, гони ключ, а то хуже будет.

– Ключ от квартиры, где деньги лежат? Не отдам, – заявил генсек и идиотски захихикал. Шальников рассвирепел и вlepил Брежневу тяжёлую затрещину.

– Ты думаешь, я здесь в игрушки играю, скотина, забыл, кто тебя из грязи вытащил, или всё считаешь, что это лизоблюд Жорка Жуков расстарался. Забыл, кто Хруща для тебя свалил, а может тебе напомнить твой шифр? В пять секунд в окошко выпрыгнешь! Вот вы где у меня

сидите, номенклатура, – Шальников помахал громадным кулаком перед носом хозяина и потом постучал по шее. От страха Брежнев мгновенно протрезвел и со злостью сорвал со своей шеи второй кристалл, со злостью швырнув его профессору. – Чтоб ты подавился, выскочка!

– Ты ещё покидайся мне, фраер толстый. Кстати, за тобой должок, приятель.

– Это ещё за что?

– За систему нефтепровода, за разработку алмазных трубок. Или ты забыл, что там мне принадлежит 28%. Только попробуй сказать, что нет, всё тогда заберу, – Шальников начал прикидывать, – Миллион туда, миллион сюда. Это в зачёт плутония. Итого, с тебя грубо по минимуму полмиллиарда инвалютных рублей. Часть я возьму оборудованием и материалами, а что останется – перечислением в Евробанк. Помни мою доброту, дядя.

– Сгною, собака, тварь гнусная! – Брежнев бросился с кулаками отстаивать честно наработанное добро. Лучше бы он этого не делал. Шальников с разворота ударил его ногой в челюсть. От могучего удара армейским сапогом генсек отлетел на несколько метров и с деревянным стуком врезался головой в дубовую обшивку кабинета. Шальников же, как ни в чём не бывало, подошёл к картотеке и начал в ней копаться.

– Так, спутники системы "Восток" беру все, сколько там, ага, шесть штук, победитовая сталь-13, два миллиона тонн, беру по рублю за тонну.

– Выплёвывая зубы и кровавую слюну, Брежнев прохрипел, – Она стоит по штуке за тонну, между прочим.

– Правильно, Леонид Ильич. Через Лондонскую товарно-сырьевую биржу вы продаёте иногда и дороже, а на себя переписываете с баланса завода по рублю. Почему же я должен себя обижать? – В спортивную сумку Шальникова полетели промышленные предприятия, сети мелких перерабатывающих предприятий, расщепляющиеся материалы...

– Эй, ты, возьми Байконур. Отдам недорого, – пообещал хозяин.

– Очень нужен мне этот хлам. Можешь съесть его сам с кашей.

Вскоре сумка Шальникова распухла до крайней возможности. Всё самое передовое и современное: лучшие экспериментальные заводы, специальные материалы, оборудование. Последними полетели документы на завод по производству сжиженных газов.

– Так, – протянул профессор, – кажется всё, больше ничего не надо.

– Слушай, подожди, – генсек на корячках пополз за Шальниковым, схватил его за штаны, – Купи ещё что-нибудь. Хочешь Курчатова, экспериментальные ядерные реакторы. А смотри, что у меня есть. Специально для тебя, – Брежнев залез под ковёр и достал большую интегральную схему.

– Ты хочешь продать мне мой же товар? – ухмыльнулся профессор, – причём товар залежалый. Слушай, ты, толстый бурдюк, зачем тебе столько денег? Миллионы долларов во всех швейцарских банках, золото, алмазы, антиквариат... Да всего этого не прожить не только тебе, но и всему твоему поганому роду до чёрт знает какого колена. Остановись, подлец, ведь ты скоро свою грязную душонку потащишь продавать, если она, конечно у тебя есть. Ты же удивиться готов за жалкие пятьдесят миллионов, которые мне ещё причитаются.

– Шальников, ты всегда был и остался психованным идиотом. Ты не понимаешь вещей абсолютно ясных каждому младенцу. Деньги, богатство дают абсолютную власть над миром, душами людей. Я могу всё, я всесилен. – Лицо генсека стало багровым, голос стал лающий и отрывистый. В запале он брызгал слюной, дыша перегаром на Шальникова. Это было слишком отвратительно, и профессор оттолкнул опостылевшее рыло в сторону.

– До чего же ты мелко мыслишь, ты не в состоянии даже представить. Ты остался где-то в дремучем средневековье. Мир движется к наивысшим ступеням интеграции, самое главное и ценное в этих условиях – информация. Знать что, где, как – вот, что даёт широчайшие возможности и абсолютную власть. А, да что тебе говорить, у тебя труха вместо мозгов, – Шальников досадовал на себя за то, что распинался перед этим ничтожеством. Он решительным шагом

направился к окну. Неожиданно посреди кабинета возникло голографическое изображение Скороварова. Шальников скорчил рожу, выругался и постучал по лбу, намекая на умственные способности Скороварова.

– Товарищ подполковник, разрешите доложить, люди 64-го формата готовы.

– Ладно, хорошо, дайте проверить.

На месте Скороварова появились шифры перевода с формата на формат. Шальников быстро просматривал бегущие строки, сбивался, начал отставать, – Нет, – подумал он, – это же нижний уровень подачи информации, что со мной?

По нервному дрожанию век, Скороваров понял, что чувствует профессор, и тут же снизил частоту вдвое. Это ещё более разъярило Шальникова. В придачу он почувствовал, что из-за плеча выглядывает Брежнев. Из раскрытого рта генсека текла на пол тягучая слюна. Наконец эта мука закончилась.

– Так, скорее, погружайте их в самолёт, комплектация экспедиции номер 12. Себя перевели в 64-й формат?

– Никак нет.

– Врёшь, подлец, по глазам вижу. Ну, всё равно, пойдёте главным группы. Дальнейшие инструкции на месте.

– Пункт назначения?

Шальников застонал, схватился за голову: кто-то дробил его череп. Он прогонял навязчивые образы и идеи, всё плыло в тяжёлом тумане, от ступней вверх поднимался леденящий холод, заковывавший сознание Верховного духа.

– Северный географический полюс.

– Извините, не понял.

– Выполняйте, капитан, всё на машине, выполняйте, времени нет.

– Ну что, любитель сокровищ, посмотри-ка сюда! – Шальников вытащил из-за пазухи сверкающий бриллиант.

– Дай, – твякнул генсек и проворно подпрыгнул за камнем как мопс за колбасой, но промахнулся. – Этого не может быть! Не менее полутора тысяч карат.

Шальников милостиво протянул корыстолюбцу камень. Большая часть агрессии тут же перешла на Брежнева. Профессор с удовлетворением отметил как из глаз генсека, которые так и впились в сокровище, истекли чуть заметные тёмно-зелёные лучи, представлявшие субстрат жизненной силы. По магическому каналу между Великим духом и камнем, рождённым Великим духом, эта сила шла на построение защиты. Не выдерживая мощной атаки со стороны центрального процессора, слабая восьмибитная защита непрерывно разрушалась, и тёмными потоками энергия нижнего уровня сползала в землю. Конечно, как человек Брежнев был ничтожен, но в него верили, а значит, и отдавали свою силу несколько десятков миллионов человек. Будучи суммирована в единое, эта сила создавала более или менее сносную защиту. И всё же Шальников был очень слаб. Собравшись с силами, он взмахнул руками, и вскричал, – Эльфы, духи ветров, опоясывающие Землю, приказываю вам явиться ко мне вашему хозяину и повелителю. – Безмолвие было ему ответом. Никто не появился на призыв. – Взываю к мёртвым, пробудитесь, воскресните из небытия, я прошу вас во имя планеты, спасите! Шальников как подрубленный рухнул на колени. Дикий, нечеловеческий крик издал он и ударил в ладони. В разные стороны полетели красные, синие, фиолетовые, белоснежные искры – эфирные тела самых нежных и крошечных созданий планеты. В окно профессор увидел, как вскипела почва, и из-под земли вырвался ослепительный шар. С сильным грохотом шар лопнул и мириады лучей, каждый из которых заключал крохотный ветерок, разлетелись, проникая и сливаясь с разноцветными искрами. Туча искр приобрела направленность движения, превращаясь в спиралевидный поток. Из потока вырвалась одна белая искра и, пролетев через второй кристалл ключа, искра обратилась в некое человекоподобное существо – старейшину воинства эльфов.

– Зачем ты звал нас, о Великий, – заносчиво и звонко воскликнул он.

– Прежде всего, приветствую тебя, повелитель эльфов, духов ветров и снов и хочу спросить, как ты думаешь, зачем я тебя воскрешаю из мертвых в момент, когда гибнет планета, – взревел Шальников.

– Ближе к делу, шеф, какие распоряжения.

Шальников протянул руку. Из сумки белыми птицами вылетели бумаги на орбитальные спутники. – Необходимо доставить груз в пункт назначения, отконвоировать транспорт, а драконы пока слишком...

– Что! – тоненький подбородок эльфа задрожал. – С древнейших времён мы были элита, лучшими из лучших, интеллектуальной силой, организаторами и инициаторами всех процессов на планете. Наше призвание – управлять тайными силами природы. Пусть чёрной работой занимается тот, чей интеллект меньше его мускулов. Ну, – эльф пожал прозрачными плечами, – гоблины, например. Но не смейте предлагать нам подобные вещи.

Шальников сел на пол и обхватил голову руками. У него не было сил ругаться и спорить.

– Бессовестный, неблагодарный, разве ты не видишь, что кроме вас на планете никого не осталось. Всё стараешься устроиться поуютнее, да помягче, а говно разгребать да кровь проливать...

– Ну, хорошо, только потом пеняйте на себя. Я... – не dokonчив угрозы эльф презрительно фыркнул и, сверкнув прозрачными крыльями растворился в бушующем и переливающимся всеми цветами радуги вихре.

– Эй ты, пижон, оставь в моём распоряжении процентов десять личного состава. Вместо ответа эльф высунулся из смерча, показал Шальникову язык и снова скрылся. Отпустив эльфов, Шальников и сам выскользнул в окно, вслед за ним устремились остатки земного воинства. Теперь наслаждаться полётом было некогда. Железный ветер хлестал в лицо. Навстречу неслись с бешеной скоростью леса, поля, реки, ручьи. Города, огромные скопища людей, вырывались из-за горизонта, чтобы снова унести вдаль. Вслед за Шальниковым широкой чёрной лентой развевалась "труха". В небе она напоминала огромный чёрный плащ, оборванный и взлохмаченный. Вдали показались величественные горы. Сверкающие белые снежные шапки ледников искрились под ярким майским солнцем. Вглядевшись в долину, Шальников увидел, как на изумрудно-зелёном лугу бегали дети. Кто-то ловил бабочек, кто-то собирал букет из скромных первых весенних цветов, а кто-то носился по траве, топоча по земле босыми ногами. Два чабана, древних-предревних горца, пасли отару. Измождённые худые овцы, которых видно недавно пригнали на джайлау, блаженно щипали молодую травку. Не хотелось верить, что рядом идёт страшная битва, льётся кровь и теряется сила, для того чтобы защитить, уберечь всю идиллию. Шальников нёсся с безумной скоростью, но мысли его текли неторопливо. Так захотелось вдруг сбросить с себя все эти хлопоты и уйти туда далеко-далеко в горы, пить воду из хрустальных родников, дышать снежной свежестью, бродить в полях и в самой затерянной глуши упасть в густую траву и смотреть, как по бездонному синему небу плывут кучевые облака. Но вот исчезло уже всё это, как и не было вовсе. Остались лишь неясные облики, знакомые то ли из детства, то ли из странного сна.

Внезапно профессор увидел, что он завис над командным сектором Восточно-Сибирского научно-исследовательского центра. С высоты Шальникову была видна практически вся подвластная ему территория. Раскинувшийся почти на 10 000 квадратных километров комплекс без конца строился и расширялся. К югу возводились просторные корпуса биокибернетического и нейрохирургического институтов. Здания соединялись переходами. Экспериментальная накопительная энергоустановка принимала гигантский лазерный луч радиусом в полметра с небольшой гелиоустановки на низкой орбите. По соседству несколько сварщиков возводили арматурный скелет для ресиверов для хранения жидкого кислорода и азота. Дымила вакуумная вагранка для изготовления сплавов в разряжённой атмосфере с понижен-

ной гравитацией. Гремел механический цех. Кругом сновали автокары, на столбах копошились монтажники, проводя повсюду систему лазерного энергообеспечения. Неподалеку совершенно бесшумно работала гигантская вычислительная машина. Информационный кристалл во внутреннем дворе сверкал как небольших размеров айсберг. Всё время казалось, что вот-вот эта ледышка растает под лучами весеннего солнца. Возле старого здания нейрохирургического института рабочие в ярко-жёлтых комбинезонах разгружали КАМАЗ с несколькими электронными микроскопами. Всё вокруг кипело, работало, жило. На территорию и обратно постоянно двигались грузовики, вертолёты, в небольшом аэропорту приземлялся огромный транспортный самолёт.

– Оставайтесь здесь, ждите моих приказов, – коротко бросил Шальников. Сам же он медленно и плавно приземлился у центрального административного корпуса. Профессор горделиво поправил личную карточку, на которой красовалась надпись – Генеральный директор ВСНИЦ к. т. н. профессор Шальников Кирилл Алексеевич, – и вступил под прохладные мраморные своды. На крыше здания Шальников ещё сверху заметил развевающиеся красные полотнища, и поэтому, получив у вахтёра рацию для внутренней связи, он сразу распорядился о том, чтобы флаг был постоянно. Едва Шальников вошёл в здание, к нему подбежал директор института генной инженерии.

– Кирилл Алексеевич, поставщики ферментов опять срывают нам работу по белковой совместимости.

– В чём проблема?

– Они говорят, что у нас на спецсчёте нет денег.

– А как же хоздоговорные работы по морозоустойчивым сортам помидоров и картофеля? Они что, всё ещё не перевели за них деньги?

Ладно, возьмите мою кредитку и расплатитесь скорее. Мне нужно скорее пустить серию механических имплантантов.

– Мы постараемся, конечно.

– Да, кстати, в будущем квартале вы получите полупромышленную установку производства ферментов, так что больше за это голова у вас болеть не будет.

– Вот спасибо, Кирилл Алексеевич. А ещё, нейрохирургам завезли пять электронных микроскопов, а нам ни одного.

– Им действительно очень нужно, но когда вам понадобится, можете попользоваться. Заявку на нужное оборудование оставьте у Жоржа. На учёном совете вопрос будет рассматриваться.

Алексеев, довольный, побежал в расчётно-кассовый центр. Шальников по рации связался с начальником охраны.

– Гриша, что за дела, почему генетики не получают деньги по хоздоговорам?

– Кирилл Алексеевич, я уже говорил, постановление Политбюро об установлении госзаказа. Совхозы без того в убытке.

– Ну, получите через министерство. Насколько я понимаю, оно покрывает их расходы.

– Конечно, можно попытаться, но там своя мафия. Можно было бы перевести их в счёт долга на наш баланс и поставить там наши блокпосты. Это почти полностью обеспечит центр продовольствием.

– Отлично, действуйте.

– И ещё, Кирилл Алексеевич, в 419 секторе мусорщики подняли бунт. Поджигают машины, забаррикадировались в здании мусороперерабатывающего завода. Я не знаю, может использовать "черёмуху".

– Послушай, Григорий, мне некогда вдаваться в детали. Я поставил тебя на этот участок, а это предполагает, что ты – профессионал. Делай то, что считаешь нужным. И не отрывай меня по пустякам.

Шальников вдруг вспомнил, что не договорил с Алексеевым по поводу проекта "ТС" – работа по созданию биосовместимых полимеров. К счастью, директор института генной инженерии был в пределах досягаемости рации.

– Алексеев, совсем забыл тебе сказать. В белке, отвечающем за иммунный ответ, ну в том, за номером 2187-б-Т, попробуйте заменить концевую аминокислоту на глицин. Вычислительный анализ показал, что численные значения стерических факторов разлагаются в неспецифический числовой ряд, а фенилаланин в оконцовке этот ряд ломает. А вот глицин там был бы как раз кстати. Попробуйте модифицированный белок проверить в присутствии вируса, найденного в неопознанном трупе. И хорошенько держите этот вирус. Мне не нужны здесь горы трупов.

– Хорошо, Кирилл Алексеевич, будет сделано. Только про микроскопы замолвите словечко на учёном совете.

– Работай, Алексеев. Всё будет. Только и ты не забывай, через 5-10 лет нам нужна универсальная вакцина и отлаженная система био – и – техноимплантации.

Сверкающий пластиковый лифт вознёс Шальникова на 12 этаж. В несколько шагов профессор достиг своего кабинета в середине коридора. В приёмной творилось нечто невообразимое. Битком в неё набились страждущие просители и прожектёры. Синий табачный дым был настолько густым, что казалось, брось здесь топор, и он зависнет в воздухе. Личный секретарь Шальникова – разбитной парень и хохмач Жорж исходил потом. Жуя беломорину, он ругался с кем-то по телефону, рации и селектору одновременно. Бесперывно жужжали печатающие устройства, надрывались десять горячих линий спец связи. Не переставая разговаривать, Жорж набирал приказы, перебрасывал уже готовые по информационной сети.

– Что, – орал Жорж в селектор, – да, приказ о расстреле инженера Бурундукова уже подписан. Как за что? А аварию первой степени на ядерном реакторе Пушкин допустил? И перед этим у него было двенадцать предупреждений. Нам не нужны непрофессионалы, да ещё и упрямые как бараны. Всё, точка. Разукomплектация Бурундукова по полной программе. Лично проверю.

К столу, на котором в идеальном порядке были разложены папки "К докладу", "Приказы", "На подпись" и многие другие, выстроилась очередь. Негр, едва вытащив из печатающего устройства очередную бумагу, громко дышал на какой-нибудь из множества факсимиле или печать, также громко шлёпал ими по бумаге и отправлял посетителей с бешеной скоростью. Периодически он отвлекался в голографическую систему круглосуточной виртуальной всесекторной конференции, подкорректировав информационные потоки между отдельными институтами, бросался разбираться с голографическими командированными, которые без конца путались с настоящими людьми и вносили изрядную сумятицу. Периодически Жорж отрывался от всех этих накладных, приказов, информационных потоков и прикладывался к трёхлитровой банке с пивом. Взгляд его неожиданно упал на только что вошедшего шефа.

– А, Кирилл Алексеевич, Вы всё ещё в Москве.

– Нет, болван, я стою перед твоим носом.

– А, – протянул негр, – кстати, Ваша зарплата апрельская. Вот извольте получить 562 рубля 84 копейки.

Шальников хмуро посмотрел, расписался и спрятал деньги во внутренний карман, рядом с ключом.

– Меня ни для кого нет.

– Кирилл Алексеевич, а в буфет тёмное пиво завезли. Нашей пивоварни, а совсем как немецкое. Негр причмокнул с невероятным вкусом.

– Так какого ты здесь стоишь. Вот тебе трёшка. Возьмёшь пять литров. И чтобы пулей мне. Одна нога там, другая здесь. Сдачу оставь себе.

– Тут у нас одна проблема. Звонили из ЦК Узбекистана. Гафар Залиев. Матерился трёхэтажно. Помните, мы им продали в прошлом году 100 000 человек на хлопковые плантации, по 25 рублей за штуку? Так вот, они к концу сезона все передохли. И теперь он в претензии. Что делать?

– Вот дерьмо. Я видел же, как он рабов содержит. Хуже скотины. Ясно, что долго бы они не протянули. Теперь ему что-то надо. Вот что, передай, что Шальников послал этого мерзавца на три русско-узбекские буквы, и что я с ним больше дел иметь не буду.

– Не слишком ли круто, – задумчиво спросил Жорж, – кто знает, с каким чёртом ещё придётся водиться.

– Нет, не придётся. Да, кстати, скоро надо будет продать около 5 000 человек из 419 сектора. Продай кому угодно, только не Залиеву.

– Лучше продать тому, кто больше даст, – изрёк Жорж с видом великой истины.

– Золотые слова, чёрный ты наш. Иди работай.

Шальников вошёл в свой кабинет. Кругом были следы большой попойки. На столах лежали груды деталей вперемешку с пустыми бутылками. Мерно гудели вычислительные машины. В углу лежал забытый паяльник. Профессор разгрёб место, занятое микроскопами, чашками Петри, миниатюрными магнитными пульсаторами, рубиновым и неоновым лазерами и прочим научным хламом, и водрузил портативный вычислитель. Несколько секунд он возился во внутреннем кармане, выковыривая второй ключ, застрявший между купюрами. С остервенением Шальников вышвырнул деньги из кармана и вытащил, наконец, непослушный кристалл.

– Интересно, – подумал он, – а, что если... – Он засунул в первичный ключ свой толстый мясистый палец. При этом его палец деформировался и принял форму второго ключа. Приятный вежливый голос вычислителя сообщил, – Наладка системы удалённого управления форматом будет закончена через одну минуту. Соответствующее сообщение появилось на всех мониторах.

– Ну вот, – разочаровано воскликнул Шальников, – и стоило городить огород. Вот так да, почему я сразу об этом не догадался! – И с досадой он шлёпнул ключ об пол. Включился аппарат спец связи, на экране появился Скороваров.

– Кирилл Алексеевич, прибыли на место, разворачиваем систему датчиков для поисков объекта на частоте 12 Гц. Правильно?

– Да, давайте занимайтесь. Включите мне общий обзор.

Рядом с Шальниковым вдруг развернулась фантастическая картина. Сверкающий снег слепил глаза. Огромные синие льды и торосы, казалось, вот-вот упадут, обрушатся на профессора многотонной массой, раздавят в лепёшку.

– Менее масштабно, если не трудно. – Картинка съёжилась и потеряла всякую величественность. Среди ледяного безмолвия копошились крошечные люди, распаковывая какие-то ящики. На холодном, пронизывающем ветру они ёжились и кутали обмороженные носы в куцые суконные воротники чёрных бушлатов.

Между тем не было вестей от Абрикосова. Немного волнуясь, Шальников включил связь с космодромом. Вместо Абрикосова на вызов почему-то ответил старший техник Арарата-22.

– В чём дело, Перельман? – гневно нахмурил брови профессор. – Ты что, в карцер захотел? Где Абрикосов? Почему лезешь к секретной спец связи, не имея достаточных полномочий?

– Говорит центр управления полётом. Кирилл Алексеевич, спутники по программе 11 готовы к запуску. Вы знаете, – голос техника перешёл в доверительный заговорщический шёпот, – Иван Николаевич в последнюю минуту проявил явную политическую близорукость. Он прекрасный человек, но он ведь беспартийный. Я хочу сказать Вам, как коммунист коммунисту, я прекрасно понимаю, что спешка вызвана происками империалистических кругов.

Классовая борьба обостряется, на невидимом фронте ответственный момент. Вот почему мы так торопимся с созданием системы.

Такой поворот не входил в планы Шальникова, но то, что произошло, было в принципе ему на руку.

– Так, ну ладно, даже лучше, что инициативу взял в руки этот фанатик. Кто знает, что мог придумать учитель, – подумал профессор.

– Исаак, ты правильно понимаешь остроту политической ситуации. Сегодня состоится очень важная битва капитала и социалистической системы, но всё же, с Иваном Николаевичем что сейчас?

По глухому сдавленному мычанию Шальников понял, что академик сидит или лежит связанный по рукам и ногам с кляпом во рту где-то неподалеку. Исаак потупился и ковырял на пульте какую-то кнопку.

– Ну ладно, производите запуск. Всю информацию пересылайте ко мне.

Техник облегчённо вздохнул и отключился от системы связи. Шальников развернулся к селектору.

– Жорж, подготовь приказ о переводе Перельмана Исаака Михайловича с Арарата-22 в 117 сектор. Институт Солнца.

– С понижением, Кирилл Алексеевич?

– Да, с понижением на два тарификационных разряда, кроме того, сегодняшним числом – строгий выговор с предупреждением, а через 4-5 месяцев, ну скажем к Октябрьским праздникам, – благодарность в приказе и ценный подарок.

– Хорошо, шеф.

– И ещё, вышли ремонтную бригаду. Что-то нет связи с Байконуром.

– Но, босс, связь есть. Причём устойчивая.

– Связи нет, Жорж, – вкрадчиво сказал Шальников, – и посмотри, чтобы в дежурном журнале была соответствующая запись. Да ещё группу "Альфа" на Байконур через три часа, арестовать Перельмана.

– Ясно, Кирилл Алексеевич, а ведь верно, нет связи.

– Ну вот, мартышка, а ты кричал, – Здесь связь есть, связь есть...

Шальников повернулся к экрану. На мониторе было выведено сообщение о недостаточности ретрансляционной поддержки для создания системы, и необходимости добавить ещё двенадцать спутников. Шальников набрал пароль, и сообщение сменилось приглашением в единую компьютерную сеть НАСА. Программный диспетчер поинтересовался, в каком режиме будет работать пользователь. Профессор выбрал режим видеосвязи. Абонент долго не отвечал. Наконец на экране появился заспанный человек, старый боевой товарищ Шальникова, полковник военно-космических сил США Майкл Дуглас.

– Чёрт возьми, Кир, у тебя есть совесть? Ты знаешь, который сейчас час?

– Отвечаю в порядке поступления: совести у меня нет, сейчас три часа по полудни, но главное не в этом. Мне срочно надо запустить три ретрансляционных спутника.

– Тебе надо, ты и запускай. И отстань, я спать хочу.

– Старик, пойми, я исчерпал свой лимит, а мне надо срочно. Ты же знаешь, за мной не заржавеет.

– Нет, ты не понял. Я с фронтовых друзей ничего не трясусь. Просто встань на моё место. Прибегаю я в час ночи в центр, задрав штаны, как вы, русские выражаетесь, и требую экстренного запуска. Даже если учесть, что к старту всё готово, меня просто сразу сочтут психом.

– Хорошо, Майкл. Хочешь, чтобы американцы первыми оказались на Луне?

– Что за бред? Ты, вроде, серьёзный человек, а болтаешь как последнее трепло.

– Нет, я не понял, хочешь или нет?

– Что, серьёзно? Я буду ходить по Луне?

– Ну, как у нас в России говорят, колхоз дело добровольное, хочешь, лети сам, а нет...

– Ты с ума сошёл. Конечно, я лечу. Это же мечта всей моей жизни.

– Ну, вот и чудненько, я думаю, через 3-4 месяца ты будешь вздымать лунную пыль. А теперь к делу.

– Подожди, есть одна проблема. Я один не могу отдать приказ о старте. Необходимо согласие президента. Конечно, у тебя другие отношения с начальством и тебе трудно понять такие сложности, но я не могу выдернуть Линдона Джонсона из кровати и что-то от него требовать. Все же мы с ним не хлебали из одного котелка под тропическим ливнем в джунглях Центральной Африки. По-моему, не будет ничего страшного, если завтра с утра я к нему зайду, и через пару дней спутники будут в твоём распоряжении.

– Твоя проблема, я имею в виду настоящую проблему, в том, что ещё не достаточно хорошо умеешь управлять. А управление предусматривает то, что ты можешь заставить, кого угодно сделать что угодно, даже если ты не съел с этим человеком пуд соли. Извини, конечно, старик за нравоучение, но спутники мне нужны через два, максимум через три часа. А что касается президента, то тебя устроит такой президент?

Шальников слегка дотронулся до своего лица, от прикосновения по лицу побежали мелкие красные искорки. Через минуту на полковника смотрел президент Соединённых Штатов Линдон Джонсон. Дуглас открыл рот и долго не мог его закрыть. Тягучая слюна сползла по подбородку и шлёпнулась на пол.

– Ну что ты, дружище, это всего лишь чудеса техники. Чему ты так сильно удивился? Пойдёт так или нет?

– Вместо ответа Дуглас лишь нервно кивнул.

– Ну, давай, подключай меня к центру управления.

Дежурный офицер, человек с железными нервами, лишь немного удивился тому, что посреди ночи президент, облачённый в парадный смокинг, подтверждает старт корабля-носителя, который откладывался уже три месяца. Дуглас же тем временем приложил свою ладонь к сенсорному идентификатору. И через несколько минут, почти одновременно вспыхнуло небо и над мысом Канаверал, и над Казахстанской степью. Шальников проводил взглядом все три "Протона", усиленные двигателями, созданными в центре. Первыми в ночном небе исчезли носители на американской стороне, вдогонку за ними устремились огненные факелы Байконура. За это время полковник пришёл в себя.

– Кир, ты в ближайшее время должен будешь мне многое рассказать. Я так думаю. По крайней мере, то, что я сейчас видел – это где-то за гранью. Боюсь, что и это ещё не всё, далеко не всё.

– Знаешь, Майкл, я последнее время совсем замотался. Столько дел. Давай обсудим это, скажем, дней через 7-8. Ты же приедешь на сбор ветеранов-союзников к 9 мая.

– Конечно, о чём речь. Это святое дело. Как не отпраздновать Великую Победу.

– Ну вот, тогда и поговорим. Кстати, можешь приехать даже раньше, числа седьмого. И там же в Берлине мы проведём второй всемирный конгресс пивоваров.

– О да, я ни за что не пропущу возможности побаловаться пивком из твоей коллекции.

– Ну, до встречи. – Шальников отключился, с усмешкой покачал головой и подумал, что Майкл сегодня уже не уснёт. Тут профессор вспомнил, что он не попросил у Дугласа два челнока "Джемини", которые болтались неподалёку от орбитальной станции "Восток".

– Пожалуй, Майкл не обидится, если я ненадолго одолжу их. Правда, он просил, чтобы я ненароком не повредил их, но я скажу ребятам, чтобы они осторожно обращались аппаратурой, – здраво рассудил Шальников. Не успел он это до конца додумать, как почти одновременно с двух экранов на Шальникова начали нападать Везувий и Скороваров. Везувий надрывался за огневую поддержку, хрипел и отплёвывался кровавой слюной. Скороваров, едва сдерживаясь, бубнил о том, когда же можно будет начинать и сколько ещё можно ждать неиз-

вестно чего. В какой-то момент у Шальникова началось раздвоение личности. Голова куда-то понеслась, как в тумане. Усилием воли профессор вернулся в сознание и шарахнул кулаком по столу.

– Заткнитесь, я сказал, что сообщу о готовности. Не приставайте ко мне.

Он отключил обоих и включил станцию "Восток". На борту шла обычная жизнь. Гречихин возился с мышами и хомяками, периодически отплывая к микроскопу, в который вставлял новые мазки, счистки и пробы. Гусев пытался на велотренажёре. Всё тело его было усыпано датчиками, соединёнными многочисленными проводками с вычислительной машиной.

– Здорово, мужики, как жизнь? Я прерву вас ненадолго. Посмотрите-ка в иллюминатор.

– А что, Кирилл Алексеевич, пока нас не было, кто-то Землю похитил? – сострил Гречихин, оторвавшись от микроскопа.

– Да, в некотором смысле. Видите, у вас справа по борту приبلудились два американца. Берите пульсаторы и перегружайтесь в них.

– Но у них замки закодированы, мы уже пытались туда залезть и хорошо там пошарить, только ничего не получилось.

– Тогда дайте мне их изображение почётче.

Получив изображение, Шальников перегрузил его в программу "Ключи" и включил поиск. Через несколько минут на экране появился штрих-код для снятия блокировки.

– Так, всё готово. Держите ребята. Когда заберётесь внутрь, увидите там гнездо для выведения наружу лучевого оружия. Переходите в точку 57-63-3012. Широта, долгота, высота над поверхностью. Кого там увидите, всех уничтожайте. Сразу расходуйте весь запас и быстро уходите.

– А, это по программе "Звёздные войны" – учения.

– Да, давайте в темпе, время пошло. Станцию поставьте на автоматический режим – 2. Пусть всё время будет в затемнении.

– Подождите, Кирилл Алексеевич, с Луны-9 нам перебросили всю информацию и программное обеспечение. Непонятно, почему они это сделали. Похоже, с этим надо разобраться. Может выслать им аварийную капсулу?

– Что? У вас есть связь с ними? Срочно дайте мне их.

Несколько минут на экране шли одни помехи, но вскоре стали слышны голоса. Наконец, стали видны очертания лунной базы.

– Господи, сколько их тут, – послышался чей-то голос.

– Ребята, ответьте, что у вас происходит, – закричал Шальников.

– О, кажется, заработала связь. Здравствуйте, Кирилл Алексеевич. Три часа назад, после того как мы обстреляли неизвестный объект, от него отделился челнок и прилунился в районе моря Спокойствия. Гера поехал туда добить их, но не вернулся. Через два часа нас атаковали. Взорваны топливные элементы, хранилище газов и командный отсек.

Шальников наблюдал видеосъёмку битвы. Халькотроны не выдержали информационной блокады, но приземлиться побоялись, поэтому решили организовать промежуточную базу на Луне. Виктор отключил запись и включил внешний обзор. Вокруг базы в темноте горели сотни пар глаз. Тёмные тени металась между холмами и ущельями. Совсем близко стояла боевая техника Халькотронов с большими чёрными крестами на бортах.

– Время от времени они передают нам сообщения с предложениями сдаться.

– Сколько у вас боеприпасов?

– У нас больше ничего нет. И кислорода на 15 минут.

Шальников погрузился в глубокое раздумье, ситуация была патовая. Пока он размышлял, космонавт связался с противником и принялся ругаться как сапожник. Виктор не мог знать, что Халькотроны чрезвычайно щепетильны, но попал пальцем в небо. Полчища врагов ринулись на базу. "Врагу не сдаётся наш гордый "Варяг", пощады никто не желает", – грянул

экипаж Луны-9. Последние слова их песни потонули в грохоте взрыва, разнесшего базу. В разные стороны полетели шмотья от наступавших, обломки машин и причудливых механизмов улетали в космическую пустоту. Профессор переключился и посмотрел, как Гречихин и Гусев лихо лупят по неповоротливому кораблю противника, который потерял уже изрядную часть экипажа, и только изредка поплёвывал плазмой, то в драконов, то в юркие "Джимини" и в результате не попадал ни в кого. Шальников поразмыслил и решил, что надо немного передохнуть. В кабинет, громко кряхтя, ввалился Жорж, обременённый тяжёлой двадцатилитровой бутылкой.

– Ну, наконец-то. Тебя только за смертью посылать. Зачем притащил столько много? Я же просил только пять литров.

– Хорошего пива не может быть слишком много. Кстати, звонил Георгадзе, просил передать благодарность от Совета Министров, Правительства и ещё кого-то, кажется, Советского народа. Китайцы выслали ноту с извинениями и предложением возместить моральный ущерб Советскому Союзу.

– Э, да пошёл он со своей благодарностью. Лучше бы дал денег из морального ущерба.

– Босс, зачем Вам деньги? Вы же сами можете сделать сколько надо.

– Да что ты пристал, ну оговорился. Посидел бы на моём месте с моё ещё бы не так заговаривался. Давай лучше наливай.

При этом Шальников подставил большую глиняную кружку. Профессор отхлебнул большой глоток и блаженно откинулся в кожаном кресле. Приятный освежающий холодок побегал по жилам.

– Замечательная вещь, генетически изменённые дрожжи, вырабатывают фантастическое количество витаминов и протеинов. Один стакан обеспечивает суточную потребность в пище.

– Жорж, а что это за такой специфический приятный вкус? Как будто встряхивает.

– Комплекс вспомогательной микрофлоры. Угнетает пищеварение, двойной эффект – питательные вещества не разрушаются, а избыточная энергия массирует мускулатуру и расходуется на работу мозга. Кроме того, специальный белок, снимающий ощущение голода. Добавлена, мята и ещё кое-что, активизирующее нервные импульсы от тепловых точек. Это пиво создаёт ощущение прохлады, его лучше пить, конечно, летом, а на зиму – согревающее пиво. Кроме того, оно на самом деле защищает от переохлаждения и перегрева за счёт регулирования кровотока.

– Так какого дьявола вчера утром мы давились "Жигулями". Я чуть не сдох от жары.

– Ну, за это надо кого-нибудь припечь, – задумчиво протянул Жорж, поглощая тягучий напиток и раскачиваясь на стуле, – я думаю, первое место на конгрессе этому пиву обеспечено.

– Вне всяких сомнений. Предлагаю назвать его "Центральное Специальное".

– А по мне, как ни назови, хорошая вещь останется хорошей. Так бы пил и пил, я всегда так и представлял себе свободу: после трудов праведных напиться под завязку пива.

– Спирт хоть там есть?

– Ну а как же, 12%. Идеальное содержание для разрушения холестериновых бляшек в кровеносных сосудах.

Так и сидели они, хозяин и слуга, по очереди прикладываясь к баклажке, пока не выпили половину. Идиллию прервал голос вычислителя, известивший о том, что на орбиту выведено достаточное количество ретрансляторов для создания системы.

– Так, делу время, пиву час или два. Что там у нас? Выбрать режим работы системы – ручной. Параметр объекта управления форматом. Ну, какой выбрать?

– Шеф, ещё не хватало установить активный режим. Этим неблагодарным свиньям только дай свободу действий, они такого наворотят. С такими-то возможностями, как слоны в посудной лавке. Как говаривал Владимир Ильич, – Прежде всего строжайший учёт и контроль.

– Да, пожалуй ты прав. Следует взять инициативу в свои руки. – Шальников положил клавиатуру на колени и поудобнее расположился в кресле. – Заметь, Жорж, до чего тупые уроды эти Халькотроны. Упёрлись как бараны в свой центральный процессор на полюсе и не признают никаких других путей. Проще было бы уничтожить ретрансляторы и всё.

– Это верно, я бы на их месте, как только подъехал, сразу выжег всё, что только есть на орбите. Я сажусь за "зверя".

– Садись, если не боишься. Посмотри, готов ли вирус для внедрения в бортовой вычислитель противника, – негр сел за второй вычислитель и, подражая хозяину, водрузил его клавиатуру на колени.

– Честное слово, куда крестьянин, туда и обезьянин. Ты, – выговор Шальникова прервал голос вычислителя. – Параметры системы установлены. Объекты управления в количестве 4 миллиардов 263 миллионов 783 тысяч 1 единица в 64-й формат переведены. Объекты пассивны по отношению к своему формату. Какие дальнейшие распоряжения?

– Шеф, надо бы проверить.

– Сейчас на тебе и проверим.

– Нет, шеф, не надо. Давайте, используем более достойный объект. Я боюсь, – захныкал негр.

– Поздно, Жорж, – Шальников начал вводить данные в память.

– Нет, нет, – Жорж вскочил из-за стола, попятился, засуетился, сшибая на своём пути приборы и переворачивая кресла. Вдруг он застыл как вкопанный, глаза его налились кровью, загорелись красным огнём. Так продолжалось несколько секунд, после чего негр разразился стеной пламени. Сбив с места вычислитель, огненный сноп высадил раму, и мириады мелких осколков стекла полетели вниз. Извергнув плазму, Жорж сразу пришёл в себя.

– Да, – взвопил он, – шеф, у нас всё получилось, дайте пять.

Шальников дважды громко шлёпнул по ладони негра.

– Скороваров, ты где там? – долго никто не подходил. Наконец от кучки людей, гревшихся около бочки, в которой горела солярка, отошёл человек. На соседнем экране появился Скороваров. Его нос стал сизым от холода, на усах висели длинные сосульки.

– Кирилл Алексеевич, скоро там уже? Уши отваливаются.

– Пора, Скороваров, встаньте вокруг источника излучения и возьмитесь за руки. Главное, ничего не бойтесь. Я контролирую процесс.

Скороваров обречено вздохнул и засеменял к остальным, сбивая всех в круг. Шальников набрал директиву дезинтеграции охваченной системы и поставил в качестве промежуточного усилителя все объекты управления. Сознание всех людей планеты отключилось, и одна лишь мысль об уничтожении врага охватила планету. Силовые линии управляющего поля Халькотронов, подобно белым гниlostным червям источавшие планету слабели и в какой-то момент исчезли вовсе. На экране под изображением освободившейся планеты появилось сообщение – Центральный процессор противника отсоединён от системы управления планетой. Повреждений в системе не зарегистрировано. Сразу вслед за ним появилась строка, сообщавшая о том, что процессор расчленён на элементарные составляющие и уничтожен.

Готово, с этим справились, – Шальников подключился к Везувию.

– Полковник, противник всё ещё обшаривает щит в поисках отверстия.

– Да, мой генерал, но уже менее активно. Похоже, им не до того сейчас. Ваши ребята делают из них отбивную.

– Открой канал для прохождения информации и проследи, чтобы он попал в условленное место. Жорж, программный пожиратель готов?

– Готов как пионер. Вы только посмотрите, – на экране зверь метался как бешеный, грыз программы-блокираторы. Жорж уже подсоединил антенный рефлектор. В потолке разверзлась дыра, и прямо в рефлектор ударил белый луч с желтоватым отливом.

– Держи, гнида! – взревел негр и с размаха ударил кулаком по кнопке ввода. Зверь с рёвом вырвался на свободу. От пиковых напряжений полетели провода, взорвался ресивер-преобразователь. Ярко-красный смутный образ бросился вверх по лучу. Расплавившийся металл рефлектора прожёл стол и прилип к полу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.